

Отдел газетных вырезок

Мосгорсправка НКС

Улица Кирова, 26-б

Тел. 96-69

Вырезка из газеты

Известия ВЦИК СССР

от

27 ОКТ. 1935
Газета №

СТАЛИНГРАДСКИЙ ТЕАТР

Попасть на спектакль в сталинградский театр—дело довольно мудреное. Ничтожное количество билетов остается на долю «неорганизованных» граждан. 120 мест ежедневно закреплено за Тракторным заводом, 50—за «Красным Октябрем», столько же—за «Баррикадами» и т. д.

Театр ежедневно полон. Отпала самая тяжелая забота для провинциального театра—привлечение зрителя. В прошлом это была серьезная проблема. Она определяла художественный уровень театра. Новые постановки леглись, как блины, и сезон обычно проносился «галопом на премьерах».

В этом году сталинградский театр несколько обновил свою труппу и пригласил нового художественного руководителя, заслуженного артиста республики В. М. Энгель-Крона. Сезон начался «Платоном Кречетом» и «Уризем Акостой». Эти две контрастные по идее и форме пьесы сразу же явились серьезным испытанием для обновленного коллектива театра.

Что бросается в глаза—это эклектизм постановок, их стилистическая пестрота, недостаток идейно-художественной четкости.

«Акоста», например, трактуется, как «душещипательная» мелодрама. Трагедия борца-мыслителя разменена на личные переживания двух существ—Акосты и Юдифи. Напыщенный, высокопарный стиль спектакля, ходульная трактовка образов бопыпинства героев противоречат декларации художественного руководителя, изложенной в печатном либретто постановки («играть трагедию мысли, трагедию человека, для которого мир не давал простора»).

«Платон Кречет» идет в подчеркнуто комедийно-бытовых тонах. Кречет дан каким-то сухим, замкнутым манерным человеком. Некоторые образы (Бочкарева—зав. горздравом, Бублик—терапевт) грубо шаржированы, чем нарушается художественное единство вещи. Неплохо в общем сделанный положительный образ Береста очень многое теряет оттого, что актер (Сokolov) придал ему неприятные черты утонченно издевающегося, ехидного человека (в сцене с Бочкаревой).

На этом спектакле слишком сказались недостатки, типичные для сборной труппы, обезличивающей представителей различных театральных групп и школ.

Большая беда театра—отсутствие серьезной, деловой критики. Местные рецензенты, захлебываясь, расточают не в меру восторженные похвалы театру и уже после первых двух постановок выдали ему аттестат художественной зрелости.

Увлеченные рецензенты больше всего обращают внимание на внешние мелочи в игре артистов. В актере, играющем Кречета, они замечают, что он «там, где нужно было передать особую остроту моментов, усиливал впечатление не напряжением своих голосовых связок, как это делают многие, но находил вторичные (?) внешние признаки того или иного душевного состояния, свойственного человеку...»

Анализируя далее роль Кречета, рецензент восторгается тем, что, «передавая неловкость при первой встрече один на один с Лидией, он (актер) не топтался на месте, не ронял посуду и не заикался». Видимо, по мысли рецензента, достоинство актера в том, что он не вообразил себя в эту минуту Максом Линдером или Монти Бенксом!

Такое «захваливание» вряд ли поможет театру преодолеть трудности, перед которыми он стоит,—трудности создания крепкого художественно-стройного коллектива. И если театру нужно пожелать больше взумчивости в работе над репертуаром, то от рецензентов—ближайших помощников театра, и зрителей—надо потребовать более умеренных восторгов и грамотной оценки спектакля и исполнителей.

ЗРИТЕЛЬ.

Сталинград, октябрь.